

Артур Шницлер

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Аннотация

Новелла написана в 1908 году. Ее автор — крупный представитель венского импрессионизма. Проза и драматургия Шницлера приобрели широкую известность, были не раз экранизированы. В России его пьесы ставили В. Мейерхольд и А. Таиров. Шницлер в числе первых в немецкой словесности обратился к «внутреннему монологу», психологическому анализу. В его сочинениях всегда есть эпизод смерти какого-то персонажа и интерес к впечатлениям человека от реальности. Культ смерти взят из атмосферы эпохи, как часть мироощущения декаданса. Он прорвался даже в самые светлые книги писателя. Весной 1933 года в Германии массово жгли книги выдающихся отечественных писателей и авторов из Англии, Франции, США и других стран. В костер попали и сочинения Шницлера. Его творчество стало зеркалом венского общества первых трех десятилетий XX века. Почти все произведения писателя были переведены на русский язык.

Перу Шницлера принадлежат и такие произведения: «Слепой Иеронимо и его брат», «Фрау Беата и её сын», «Судьба барона Лейзенбога».

Артур Шницлер

Предсказание

I

Недалеко от Боцена, на возвышенности и в лесу находится небольшое поместье барона фон Шотенегга, едва видимое с проезжей дороги. С бароном меня познакомил один мой приятель доктор, который живет в Меране лет уже десять и с которым я там встретился как-то осенью. Барону было лет около пятидесяти, и он тяготел к искусствам, занимаясь ими, как дилетант. Немного композиторствовал, хорошо играл на рояли и скрипке, недурно рисовал. Но в прежнее время он больше всего увлекался сценой. Рассказывали, что в ранней молодости он под вымышленной фамилией несколько лет подвизался в Германии на маленьких сценах. Но потом, вероятно, вследствие упорного сопротивления отца или, быть может, вследствие недостаточности таланта и успеха в этой деятельности, барон от нее отказался и сейчас же поступил на государственную службу, верный традициям предков. Он прослужил лет семнадцать добросовестно, но без жара и воодушевления.

После смерти отца, когда барону уже перевалило за сорок, он вышел в отставку, и тогда

только стало ясно, до какой степени в нем была сильна любовь к театру, эта его юношеская мечта... Отделав заново свою виллу на откосе Гунтшнаберга, он стал собирать туда летом и осенью все шире и шире разраставшийся круг любителей сцены, и ставить, с его помощью, несложные по исполнению пьесы или просто живые картины. Жена барона, происходившая из патриархальной тирольской бюргерской семьи, не имела врожденного тяготения к искусству, но, будучи неглупой женщиной, не противилась увлечению пруга, тем более, что оно не шло в разрез с ее собственными интересами: любовью к обществу. И хотя общество, собиравшееся в замке, с точки зрения строгого критика, не могло назваться особенно избранным, но даже те из гостей, кто по рождению и воспитанию был склонен иметь общественные предрассудки, ничего не высказывали против свободной непринужденности баронского круга: ведь спектакли служили для нее достаточным оправданием, точно так же, как и безупречность репутации хозяев, устранявшая всякий намек на подозрение в вольности нравов. Между многочисленными посетителями замка, которых я уж и не припомню теперь, я встречал вот кого: молодого графа, служившего в Инсбрукском полку, офицера егерского полка из Ривы, капитана

генерального штаба с женою и дочерью, берлинскую опереточную певицу да фабриканта ликеров из Боцена с двумя сыновьями. Потом барона Мейдольта, только что вернувшегося из кругосветного путешествия, бывшего артиста придворного театра, и графиню Сайму, в то время просто титулованную вдову, а некогда, еще до замужества, выступавшую на сцене, в качестве профессиональной актрисы. Графиня была с дочерью. Встречал я там еще и датского художника Петерсена.

В замке помещались лишь немногие из гостей. Иные жили в самом Боцене, а иные в скромной гостинице на шоссе, у поворота дороги в имение барона. После полудня обыкновенно весь кружок собирался в замке, где под режиссерством бывшего придворного актера или самого барона, никогда в спектаклях не участвовавшего, начинались репетиции, длившиеся до позднего вечера. Репетиции шли сначала среди шуток и смеха, а потом, по мере приближения дня спектакля, они делались все серьезней и серьезней, при чем устраивались всегда в зависимости от места действия и настроения: то у опушки леса на лугу за садом замка, если позволяла, конечно, погода, то в нижнем зале с тремя большими сводчатыми окнами.

Когда я в первый раз посетил барона, у меня

не было никакого иного намерения, кроме желания провести приятно день на новом месте, среди новых людей. Но, как это часто случается с людьми, странствующими без цели и совершенно свободными да к тому же еще начинающими стариться, с людьми, которых никакие обязанности и привязанности не влекут домой, я поддался просьбам барона и остался у него еще на некоторое время. Дни проходили за днями и, таким образом, к моему собственному удивлению, я прожил до глубокой осени в замке, где мне в маленькой башне отвели очень милую комнату с видом на долину. Это мое первое пребывание в Гунтшнаберге навсегда оставило во мне хорошее, светлое воспоминание, тем более, что, несмотря на веселье и шум, происходившие вокруг меня, я лишь бегло общался с гостями, уделяя большую часть времени прогулкам по лесу, размышлениям и работе. Даже то обстоятельство, что барон, из любезности ко мне, гостю, предложил поставить у себя на сцене одну мою пьесу, не нарушало моего безмятежного состояния, потому, вероятно, что никто не обращал внимания на автора. Меня привлекала перспектива спектакля на зеленой дерновой лужайке, под открытым небом, так как это хоть и поздно, но совсем неожиданно осуществляло скромную мечту. моих юных дней. К концу лета оживление в замке обыкновенно утихало, так как заканчивались

месяцы отпуска для многих из гостей, состоявших в службе. Лишь изредка наезжали знакомые, большею частью, соседи баронов. И только с этого времени я вступил в более близкие сношения с бароном и, признаюсь, не без приятного удивления заметил, что он был наделен гораздо большей скромностью, чем все дилетанты вообще. Он не заблуждался насчет своих спектаклей, находя, что они есть лишь лучший сорт салонной любительской игры, и, так как ему самому в жизни не удалось всецело отдаться любимому искусству — сцене, он стал довольствоваться только отблеском его, этого искусства, озарявшим невинные театральные затеи замка, радуясь при этом тому, что здесь не было ни намек на интригу и дразги, неизбежно связанные с профессиональным театральным делом.

Как-то гуляя со мною, барон высказал желание, чтоб на его сцене, под открытым небом была поставлена пьеса, специально предназначенная для исполнения среди живой природы. И случайно это его желание совпало с планом, который я давно уж лелеял в душе, поэтому я обещал барону непременно написать ему такого рода пьесу.

Потом вскоре я уехал из замка.

И в самом начале следующей весны я отправил барону мою пьесу, вместе со словами признательности, которые диктовали мне приятные

воспоминания о минувшей осени, проведенной у него. Скоро пришел ответ от барона, благодарившего за пьесу и радушно приглашавшего провести у него осень.

Я пробыл лето в горах и в начале сентября, когда наступили прохладные осенние дни, поехал к Гардскому озеру, и не подозревая, что оно находится по близости имения фон Шотенегов. Мне даже кажется, что в то время я совершенно позабыл и о замке и обо всем, что происходило в нем. Но вдруг, восьмого сентября ко мне пришло из Вены письмо барона, переадресованное сюда. Он выражал некоторое удивление по поводу того, что обо мне ничего не слышно и сообщал при этом, что девятого сентября состоится постановка моей маленькой пьесы, которую я непременно должен приехать посмотреть.

— Особенно вам понравятся дети, — писал барон. — Они и сейчас, в свободное от репетиции время, наряженные в свои хорошенькие костюмчики, бегают по дерновой площадке.

— Главная роль, — сообщал он мне дальше, — Перешла, в силу кое-каких соображений и обстоятельств, к моему племяннику, Францу фон Умпредту, который, если вы вероятно припомните, два раза участвовал прошлой осенью в живых картинах. Он теперь обнаруживает выдающиеся драматические способности.